

Рассказ Ксении Алексеевны Хлебниковой (Жидких -по мужу),
1912 года рождения - 1993 году умерла.

(Записано 17 - 20. 12 1991г.)

"Родилась я в двенадцатом году. Замуж вышла в 16 лет. По любви? Да кого я понимала про любовь в те годы-то, девчонкой совсем была. Никиту видела дважды на вечерке, потом его родители сватов прислали. Это они хотели с моими родными породниться. Моя матушка - Пелагея Михайловна, в девичестве Алехина - на почете в деревне была.

Деревня наша Ново-Шипуново Алтайского края. Большая деревня А через реку киргизы жили. Река Козлуха ли, как ли (приток реки Чарыш). Помню, как дразнилки киргизам через реку в детстве кричали. А сначала мы в Камышевке жили. Это там же, недалеко.

Двадцать восьмой год шел, когда я замуж то вышла. Родила, Захаркой назвали. И тут началось. Закулачили... Все отобрали. До капли. Все, что было, все тряпки, все, все... У ребенка под головой пеленка теплая лежала. Они как дернули ее, он головой и ударился, на печи лежал. Немножко поболел, чтой то с ним случилось, и тут же и умер. Это мой первый был.

Потом нас подняли и повезли. Нас на бричках везли до поезда. Поездом до Томска ехали. Народу много. Ехали долго, останавливались, выходили по нужде. Охрана, видно-ж, была. Потом на баржу посадили. Коды ехали на барже у меня девченка народилась. Я, ладно, с мамой ехла. Мама уголышек отгородила собой, чтобы меня не задавили. На стояк почти родила. Вот так-то. Моталась, моталась я с этой девчонкой...

Баржа тихо идет. Две баржи подряд шли, впритык. Порвалась одна баржа. Вода потекла. Как народ хлынул на вторую баржу. Первая - наша тонет, А вторая переполнилась, накренилась и тоже стала тонуть. Ух закипел народ. Как сейчас гляжу. Я девчонку на руках держу, никуда не бегу. Села в уголок и сижу. Думаю, будь что будет. Но ничего, все обошлось. Направили баржу.

Меня лично не высылали. Сначала сослали маму с тятьей. Тятя - Хлебников Алексей Степанович. Их выслали увперед, в первой партии. Потом Никиту моего в шахты угнали. Маму с тятьей то ли пустили, то ли как, но они вернулись в скорости из ссылки. Их опять подхватили, и снова сослали. А то там, куда их первый раз выслали, говорят, лучше было. Первый раз их на Чулым куда-то сослали. Если бы не врачивались, может не видели бы они столько муки.

Из нашей родни ехали: тятя, мама, Мишка - мой старший брат, его жена с детьми - двое детей померло; я с дочкой Аксюткой, которая на барже народилась; Степка - младший из братьев. Ванька, Артюшка, Пашка и Санька дома на Алтае остались. Нюрку - самую младшую из нас на их хлеба оставили. У меня был выбор - остаться тоже у братьев жить или ехать с мамой и родными мужа. Ехали с нами Никитов отец - Борис Федосеевич, его мать - Матрена Фроловна и их дочери - Дуська, Нюрка, Маруська.

Ссылали именно маму с тятей, Никитовых родителей и Мишку - брата моего с женой; остальные - члены их семей.

Ехали мы ехали и до Палоя доехали. На Палой нас ссадили. Мы палатки натянули. Весна. Шел 1931 год. Водой все залито. В палатке спим, я говорю: "Ой, мама, что-й то вода под ногами". Вода прибывает. Хорошо, что не хлынула, а то бы всех залила.

Сколько жили на Палое, не скажу, забыла. Пускай неделю иль поболее... С Палоем нас опять на баржу и в путь. Всех не в одно место. Нам достались самые трудные поселки. Наш участок назывался "Омелич". Или "Омельджа". Речка такая там была. Другие участки имели номер. Наш тоже наверно имел, но я не помню, чтобы его по номеру называли.

Поселок нам велели делать в 300 метрах от берега. Вот и таскались. Я дачку кому-то отдала на руки, а сама с узлами. Потом ворачиваюсь и ее ташу. Вот тебе голодные, холодные - в лесу.

Вот щас Новиково где, там высокий яр был. Там кто высадился, им хорошее место досталось, сухое. Четвертый участок назывался. А на нашем месте в "Омеличе" 600 человек высадили, а когда через года два забирали только около ста осталось.

Высадились. Мост зачали строить через болото. Кто рубя, кто тая. Мост сделали. Тут пошла корчевка. Толи мы зиму, толи две там прожили, это я не помню. А тут к первой зиме стали лесинки валить на дранку. Это наша работа была. Я со свекром ходила. Наделаешь чурок и домой их таскаешь. Лесинку прямую выгадываешь. Потом чурки двух метровые делаешь. Как мы их носили? Однако на плечах. Домой их наносишь, затем в печку складываешь. Они маленько отойдут. И дерешь дранку. Так легче драть. Раскалывал чурки свекр, а все остальное мы вместе с ним делали. Зачем дранка нужна? Дранкой стенки оббивали. Ведь где-й то она нужна была. Не знаю. Это было наше задание. З это пайку давали.

Там в Омеличе мы дом строили. Отец мой, брат и Никитов отец. А так мы все помогали строить. Хороший дом был, просторный. Их и наша семья вместе стали жить. Дом был обыкновенный, сверху

землею засыпали, затем дерном; на Алтае все больше соломой приходилось покрывать или тесом. А здесь - землею.

Зима голодная была. Правда нам пайку давали. Если бы не пайка, то вымерли бы все... Картошки были мелкие, мерзлые. Это сейчас как во сне вижу. Мне пайку иждевенческую давали на дочку. Почти хватало, но я же не одна была. "Затирку" делали. Скипятишь чугунок воды, муку комочками накатаешь и бросаешь в воду. А потом жижку бузыкаешь. Помоему как еще крупы нам давали. А вот соли не было. Кто где мог - доставал.

Когда мы прожили год, то на другую вёсну нас оттуда вывезли. От народа сотня осталась. Больше в этом поселке, наверное, и не жил. Да там и делать нечего. Песок один. Вокруг речки поселка три стояло, так только наш вывезли. А вывезли в Парабель. Перевозили опять на баржах. Высадили и привели на Бугры. А тут тайга несказимая. Лес был сильный. Корчевать стали. Дорогу поделали. Вот тут на бугре, где Маруська Пыкина живет, чуть подале к лесу, наши палатку поставили. Избушку потом строить стали ближе к речке. На Буграх с нами первыми жить стали: Рыжих, Самосудовы, Демьяновы, Радионовы, Батищевы, Денисовы. И мы - Жидких да Хлебниковы.

Год здесь прожили, стали вербовать нас в Новокузнецк. Тятя мой завербовался с Мишкой. В шахты. Мама и я с Ксюткой с ними поехали. А Никитовы родственники остались здесь на Буграх.

Никиту по болезни из шахты отпустили. В Анжерке он был, затем в Томск приехал. Ему бумага нужна была, что он семейный, чтобы его на покосы не брали по распределению. Тогда я с ним осталась, А так бы с родителями уехала. В Томске жили сначала на "герцена" (слово красивое, звонкое, запомнилось же). Жили в общежитии, затем нас в спецгородок поселили. Домики для таких как мы были наделаны. Домики хорошие. Никита говорил: "Давай на чужим паспорте уедем куда-нибудь". Я говорю: "Нет, а то еще зарестуют". И нас насильно на бугры прислали на "воссоединение с семьей".

Дочка в Томске померла. Не с голоду Ей хватало. Крупу на нее давали. Умерла от болезни. Кто знает, что у ей... Туберкулез на спинке или что? Три года было ей всего. В Томске мы два года прожили. После нее родился парнишка Шурка. Прожил тоже года три. Родился он осенью к зиме.

На Бугры как ехали, почему-то забыла. А вот как шли от берега с пристани до деревни - помню. Шурка на руках, маленький, ему и года не было. Пока мы жили у в Томске, прошло года два. Жили Никитовы родные по-прежнему в завалюшке. Маму свою я больше не видела. Мама и тятя жили где-й то в Кузнецке. Степка и сейчас

там живет. Забыла про Степку. Он на Омеличе с нами был, затем на Буграх и на вербовку с тятей поехал. А Нюрка наша та так на Алтае и жила. Говорит, там тоже урожаев несколько лет подряд не было, да еще во многих семьях рук не хватало. Ох, тоже и тяжело им жилось. Но все ж не сравнить с нашими бедами. Мишка, Ванька, Артюшка, Пашка, Санька, Степка, да нас две девченки - я и Нюрка - восьмеро нас было. А мама говорила, 16 раз она рожала и только половина жила.

Записано Тучковой Н.А. (я старалась сохранить бабушкино произношение)

1930г. - закулачили

1931г. - прибыли на спецпоселение в Томскую область; согласно постановления СНК №1143"280С от 22.10.1938г. и разъяснения НКВД СССР №9 от 9.01.1940г. с учета спецпоселения сняты 6.07.1949г. без права возврата к прежнему месту жительства. Архивное дело №Р-22424. 18.10.1993

1931 - 1933 - "Омелич"

1933 - 1934 - Бугры

1934 - 1936 - Томск

1936 - 1993 - Бугры